

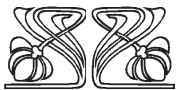
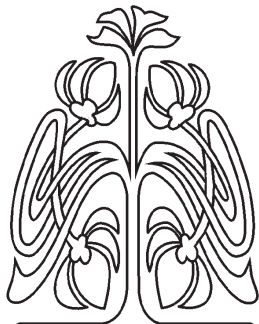
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

23 марта 2011 г. в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского прошло очередное заседание теоретического семинара Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН), посвященное обсуждению научного доклада доцента кафедры политических наук СГУ Г. М. Барашкова «Гражданское общество и его аналоговые формы».

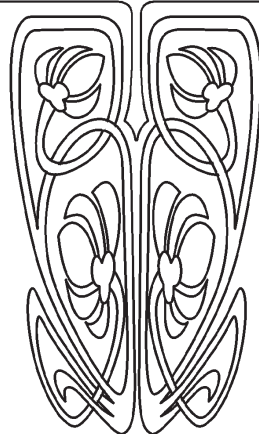
В семинаре приняли участие: *Шестов Николай Игоревич*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ, председатель Саратовского регионального отделения РАПН; *Барашков Григорий Михайлович*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Данилов Михаил Викторович*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Сергеев Сергей Геннадьевич*, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Овчарова Ольга Геннадьевна*, д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной академии права (СГАП); *Труханов Виктор Александрович*, д-р полит. наук, профессор кафедры истории и социологии политики СГАП; *Тарасов Илья Николаевич*, д-р полит. наук, профессор кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета; *Митрохин Владимир Алексеевич*, д-р ист. наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Мишин Кирилл*, магистрант СГУ направления подготовки «Государственная политика и управление»; *Кичигин Григорий Алексеевич*, аспирант СГАП.

Ниже прилагается стенограмма обсуждения научного доклада:

Шестов Н. И. Добрый день, уважаемые коллеги! Для сегодняшнего очередного заседания нашего семинара заявлена тема «Гражданское общество и его аналоговые формы». Григорий Михайлович подготовил обстоятельный научный доклад, по которому я ему высказал свои предварительные соображения, и некоторые из них были включены в текст доклада. Хотелось бы специально остановиться на том формате, в котором, как мне кажется, обсуждение этой темы могло бы в дальнейшем выйти за рамки нашего семинара и послужить, например, основой хорошей докторской диссертации или сетевого научного проекта. Тема научного доклада подсказана противоречивой логикой дискуссий, которые сегодня идут по вопросу о перспективах построения гражданского общества в России, перспективах либеральной демократии в мире вообще. Оценки перспектив аналитиками даются разные, часто противоположные. Но все они основаны на представлении, что был в прошлом или есть сегодня некий идеал (эталон) гражданских отношений, к которому надо всеми силами стремиться по «магистральной дороге цивилизации», проложенной «западными» демократиями. В роли «идеала» чаще всего фигурирует современная либеральная демократия в ее европейских и американских вариациях, или российский опыт рубежа XIX–XX столетий. Даже противники внедрения этого «эталона» в российскую практику de facto исходят из признания его существования и реальной угрозы его материализации в российских условиях. В итоге, по истечении не одного десятка лет научного обсуждения вопроса о перспективах демократии в России, мы относительно четко представляем себе, что в идеале мы хотели бы получить или чего нам следует опасаться. Но очень смутно представляем себе, что делать, если мы этого не получим. Если, как это наглядно показал

ПРИЛОЖЕНИЯ

последний мировой кризис, демократический процесс в отдельно взятой стране, осуществляющей либеральную модернизацию, уже необратим, но довести его до идеального результата в виде образцового гражданского общества, построенного по западной или почвенной модели, невозможно. Невозможно, скажем, по причине нехватки внутренних ресурсов или в результате влияния внешнеполитических обстоятельств. Нетрудно спрогнозировать по аналогии с тем, как сегодня научно и публицистически осмысливаются другие ключевые проблемы отечественной истории и современности (перспективы развития государства, права, экономических отношений, культуры), что в такой ситуации нацеленность на идеальные образцы приведет политическую мысль в вопросе об итогах гражданского строительства к банальному выводу, что «жить как все нормальные люди» российскому обществу, в принципе, не дано, но и жить так, как оно живет, тоже нельзя. И, соответственно, нужна очередная ломка политической системы под лозунгом: «Так жить нельзя!» – и расчистка стройплощадки под очередной эксперимент с очередным идеалом, который позволил бы России вырваться из «оков» собственной истории. Мы сегодня сталкиваемся с каким-то внутренним протестом исследователей против признания того достаточно очевидного факта, что все идеальные модели социально-политических отношений и институтов создают они сами. А политическая практика постоянно рождает модели крайне несовершенные, но именно потому и способные к саморазвитию на основе внутренних противоречий. И в реальном мире этих «несовершенных» и быстро развивающихся моделей, в частности моделей «гражданских обществ», гораздо больше, чем тех, которые среди аналитиков принято считать образцово-показательными. Сам по себе возникает вопрос: что в данном случае – совершенство или несовершенство – определяет ту самую «магистральную дорогу современной цивилизации», о которой часто рассуждают политологи и публицисты? Проблема в том, что процедуры сравнения исследуемых объектов с эталонами проще, а потому вроде бы эффективнее: результат получаем быстро. Вопрос лишь в качестве результата. А результат таков, что на вопрос, что делать, чтобы создать в России гражданское общество, наука отвечает: «А делать нечего, кроме как продолжать решать нерешаемые задачи!». Тут проблема качества результата, как мне кажется, вытекает из общей стилистики нашего политологического мышления. Мы привыкли мыслить так, что у каждой вещи есть определенное предназначение. Каждый политический институт создается для того, чтобы выполнять определенные функции. Мы ориентируем научный поиск на эти функции и если их не находим или находим не там, то говорим о неполноценности системы, в которую институт входит. В этом смысле демократия в мире существует уже двести

лет как доминирующая сила в весьма корявом формате. Почти нигде институты демократии не выполняют в полном объеме тех функций, которые им предписаны теорией, а эти функции берут на себя «недемократические» институты. Почему бы не признать эту ситуацию естественной и допустить, что, даже зная, для чего предназначены конкретные институты, люди могут создавать их для решения совсем других задач, чем те, которые им предписаны теорией. Мы упрощенно смотрим на творческие возможности обществ, полагая, что они могут действовать только в пределах готовых рецептов. А общества просто приспособливают известный им институциональный и процедурный инструментарий для решения других задач по аналогии с уже решенными. В результате мы имеем устойчивую форму, наполненную вариативным содержанием. Имеем инструмент, используемый по разным назначениям. Это можно определить как процесс выработки аналоговых форм и процедур в современной политике, благодаря которым социально-политические системы, очень разные по направленности и свойствам развития, удерживаются в одном политическом пространстве и опознают в других себе подобных. По сути, именно эти аналоговые формы позволяют протекать политическим процессам параллельно на самых различных уровнях и позволяют архаичным и новаторским моделям политической организации сосуществовать в этих процессах.

Этот подход нам позволяет свести воедино некоторые нестыкующиеся концы. Почему демократия есть в разных странах, но она везде разная? Почему практика демократического развития почти повсеместно отклоняется от нормальных норм этого развития? Почему мы говорим, что перспективой будет демократия мирового развития, но как-то не видим особого энтузиазма у многих политических сообществ в продвижении этого проекта? Современные общества одолевают, скорее, другие, более практические, более жизненные проблемы, связанные с сохранением своей культуры, самобытной экономической, политической, правовой идентичностью, то, что объединяют понятием «глокализация», – альтернативные процессы, протекающие на фоне глобализации. И, может быть, этот подход и позволяет подойти к пониманию феномена стабильности современного политического пространства, в котором разные по динамике и развитию политические системы, продуцируя такие аналоговые формы, как маячки, по которым они распознают своих и чужих. Они, в общем-то, сохраняют свое положение в едином политическом пространстве, они опознают себя именно как партнеров по современному политическому процессу, поверх каких-то формальных международных соглашений, договоров. Сейчас по ситуации в Ливии быстро опознали и своих, и чужих конфликтующие стороны поверх всех формальных соглашений. Казалось бы, Лига арабских государств гораздо ближе к той же Ли-

вии по формальным каким-то показателям, чем США, но конфигурация интересов выстроилась совершенно по другим линиям. Своих опознали не по признакам каким-то вот формальным, институциональным, а именно по смыслу, заложенному в эти институты. Как было бы важно, чтобы в Египте была демократия, но когда зашел разговор о союзнических отношениях, сразу сказали, ну а почему бы и нет, почему бы существующие там институты не признать демократическими. Пусть они отличаются по функциям от классических демократических институтов, но по смыслу, по сути пусть будут демократическими. Мы их признаем таковыми. Вот это общий формат проблемы, а ее конкретный формат, непосредственно касающийся гражданского общества, Григорий Михайлович коротко сейчас обозначит.

(См. статью Н. И. Шестова, Г. М. Барашкова в предыдущем выпуске).

Шестов Н. И.: Из приведенного фактического материала более или менее понятно, что, когда мы говорим о современных обществах, участвующих в мировом политическом процессе, мы имеем ряд форм, которые сложно привести к одной модели, и тем более сложно ассоциировать с нашими теоретическими представлениями о том, какая должна быть «правильная», «настоящая» демократия. Но, согласитесь, исключать из поля нашего зрения такие сообщества, как Африка, Индия, Китай, Латинская Америка, тоже неправильно. Значит, имеет смысл думать о том, под какой теоретической крышей, в рамках каких теоретических процедур этот материал можно будет скомпоновать, свести, чтобы иметь устойчивые представления о векторе развития.

Уважаемые коллеги! Вам предложен ряд вопросов, вокруг которых можно строить свои размышления, а можно на них не ориентироваться – если есть какие-либо другие соображения, то, пожалуйста.

Данилов М. В.: Насколько понятие демократии способно отразить специфику современных политических процессов? На мой взгляд, понятие демократии должно отразить не столько специфику, сколько общее в разных странах мира, поскольку демократия в общем у нас одна на самом деле – западная демократия. Если мы будем говорить об африканской демократии, то это утопия. Нет там никакой демократии. Навязывание вот этого ярлыка, там нет ничего на самом деле. Демократия – это набор процедур определенных и отражает общее в разных странах мира, а вычленив общее, мы, естественно, оставляем специфику.

Насколько необходима специфика политического процесса в разных странах для будущего прогнозирования их глобального благоустройства? Здесь, безусловно, специфика необходима. Единственное, что будущее глобального устройства, его прогнозирование возможно с двух позиций: линейного и нелинейного развития. Что касается линейного развития из прошлого в буду-

щее, это один вариант прогнозирования участия стран в глобальном благоустройстве. А есть ещё и нелинейная логика. На примере современной Африки, казалось бы, не самые цивилизованные общества – Египет, Ливия, Тунис – оказались способны к совершенно непредсказуемой смене политических режимов.

Третий вопрос – применение понятия аналоговых форм для выявления политических, пространственных и временных характеристик касательно российского политического процесса. Здесь, на мой взгляд, отправной точкой является политико-психологическая позиция автора. Если мы считаем сегодня Россию особым континентом, особой цивилизацией, это одна позиция. Если мы все таки считаем Россию частью западной цивилизации, пусть и не очень передовой ее частью, но, тем не менее, стремящейся именно туда, – другая. И перспективы от этого зависят. Не один проект из тех, которые Григорий Михайлович продемонстрировал, американский или неамериканский и так далее. Уж точно такие отдельные цивилизации успешными не были в бытовом развитии человечества. Поэтому тут надо понять, хотим ли мы дальше подчеркивать самость российской цивилизации либо берем курс на западные ценности, институты, органы, и тогда речь пойдет об аналоговых формах в России, об адаптации, привитии этих форм.

Сергеев С. Г.: Концепт гражданского общества снискал популярность в отечественных общественных науках с конца 1980-х гг. Вплоть до начала 2000-х гг. теория и практика гражданского общества виделась и анализировалась как некая антитеза вездесущему государству, заставляющему жить по навязываемым им правилам. Одновременно гражданское общество представлялось неким идеалом организации политической жизни социума, воплощенным в реальность обществами западных стран.

Безусловно, сам концепт гражданского общества был сформулирован на Западе. Поэтому, обращаясь к соответствующей тематике, российские исследователи вольно или невольно свою рефлексию обращают на социальную, политическую, экономическую и в целом государственную организацию западного мира. «Западное» понимание правового государства, места и роли прав и свобод человека и гражданина, гражданства и гражданственности выступает образцом для более или менее корректного сравнения. При этом зачастую отечественные ученые упускали из виду очевидное обстоятельство: гражданское общество на Западе понималось как не-политический по своей природе феномен. В российском восприятии оно изначально было наполнено политическим смыслом и пафосом.

И в политической, и в политологической отечественной традиции в категорию «гражданское общество» изначально закладывался «антигосударственный» смысл. Гражданское общество, по

мнению его апологетов, должно было выражать собой сферу реализации частных интересов, само-управления и само-определения отдельного человека, семьи, объединения граждан. В таком качестве оно мыслилось как социальная конструкция, противостоящая государству – выразителю всеобщих интересов.

Однако уже в начале 2000-х гг. подход к пониманию предназначения гражданского общества и характера его взаимоотношений с государством кардинально меняется. Политические реалии периода «вертикализации» всяческих сколько-нибудь социально значимых отношений перестраивают концепт гражданского общества из контрагента государства в его же сателлит. Именно этот качественный переход позволяет нам сделать вывод о мифологичности гражданского общества в текущих отечественных реалиях.

Гражданское общество следует анализировать как искусственно наполняемую смыслом мифологему, имеющую несомненный операционализированный практический смысл. При этом важными факторами выступают два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, понятие «гражданское общество» активно применяется не только учеными (как некая теоретическая абстракция), но и действующими политиками и политтехнологами. Во-вторых, оно до сих пор остается категорически неопределенным или хотя бы не консолидированным в понятийном отношении. Как следствие, в концепт могут закладываться если не противоположные, то весьма отличающиеся смыслы.

Под прикрытием «построения гражданского общества» становится возможным результативное применение инструментария политической инженерии, что наглядно продемонстрировала российская власть. Ярким примером этого служит создание и функционирование Общественной палаты РФ, общественных советов в федеральных округах и общественных палат в субъектах Федерации и муниципальных образованиях. Эти органы анонсируются как структуры гражданского общества, хотя являются в чистом виде результатом целенаправленного институционального креатива, осуществленного государством и ничего общего не имеющего ни с гражданской само-деятельностью, ни с общественным самоуправлением.

Искусственное создание властью «российской модели гражданского общества» не только проявляет, но и подчеркивает мифологичность концепта. В то же время данное обстоятельство позволяет нам высказать теоретически значимое предположение о центр-периферийности его структурного построения.

«Центром» концепта в таком случае будут выступать не оспариваемые специалистами принципы организации и функционирования, основные черты и характеристики гражданского общества (например, самоорганизация, самоуправление,

самообеспечение). «Периферией» же должны выступить национально-самобытные проявления и формы (например, особенности взаимодействия с государством и личностью, особенности социального устройства в целом и работы социальных механизмов в частности).

Такой подход позволит дооформить общую теорию гражданского общества и вместе с тем продуктивно анализировать конкретные национальные модели, не увлекаясь идеализированной компаративистикой. Кроме того, обозначенный подход делает возможным понимание гражданского общества как определенной достигнутой социумом стадии социального развития. Нам представляется, что предложенная методология исследования тематики гражданского общества позволяет раскрыть значительный эвристический потенциал рассматриваемого концепта и получить достоверные научные результаты, отсекающие его мифологические и идеологические составляющие. Внеконституционные политические институты в таком случае могли бы выступить своеобразным маркером, позволяющим отделить предмет научного исследования от продукта политехнологического построения.

Внеконституционные политические образования не могут рассматриваться в рамках теории гражданского общества, поскольку имеют собственную природу и предназначение. Они относятся к сегменту институциональной подсистемы, непосредственно связанному с осуществлением публичного управления. Хотя применение внеконституционных структур не носит властного характера, тем не менее оно соответствует столь популярному сегодня манипулятивному тренду, генерируемому властью. И гражданское общество, и внеконституционные политические институты стали востребованными конструктами, позволяющими увеличить ресурсные возможности государства в осуществлении публичного управления на постиндустриальной стадии развития общества.

Овчарова О. Г.: Уважаемые коллеги! Динамика и глубина перемен, которые происходят в настоящее время как на уровне мировых политических процессов, так и практически в каждом конкретном государстве, преобразуют многие устои социально-политической жизни, а следовательно, и привычные парадигмы теоретического мышления политологов. Последние, реагируя на реалии, стараются отыскать адекватные схемы, алгоритмы, понятия, способные объективно интерпретировать политические феномены. И основной трудностью здесь становится не столько интерпретация новых, вызванных трансформациями сегодняшнего дня явлений, сколько объяснение исторически сложившихся и имеющих устоявшиеся теоретические объяснения форм политического взаимодействия, приобретающих в современных условиях специфические черты. Ярким подтверждением таких рефлексий, проис-

ходящих в современной политологии, и выступает сегодняшним докладом.

Проблема, анализируемая в докладе, безусловно, актуальная. Вот уже более двух десятилетий в самом центре политической жизни и теоретических дискуссий находятся вопросы наличия, природы и функциональности гражданского общества в России. Представленные докладчиком рассуждения и непосредственно предлагаемая им теоретическая новация «политический аналог» позволяют приблизиться к их решению. Надо признать, что России исторически не везло с демократией и, соответственно, с такой ее ключевой составляющей как гражданское общество. В силу чего именно эти феномены довольно сложно определять, если отталкиваться при их объяснении от классических понятий и практик, которые заложили основы теоретической классики. И в таком контексте понятие «аналоговые формы» в состоянии отразить то нестандартное содержание, которое имеет российское гражданское общество. Последнее, очевидно, не выступает плотной и разветвленной горизонтальной сетью гражданской общественной самодеятельности. Но как-то же надо характеризовать то, что оно собой сейчас представляет?

Нельзя не согласиться с Григорием Михайловичем в том, что гражданское общество в России, имея, по сути, полноценное институциональное обеспечение для своего функционирования, не обеспечивает решения задач, на него возложенных, в связи с отсутствием понимания своей функциональности в самих институтах, которые чаще всего складываются не на основе гражданской воли, а по заказу государства. Вот отсюда и возникает «аналоговость» как расхождение между заимствованной западной формой, уникальным российским содержанием и итогом деятельности, который опять-таки расходится с эталонным его пониманием.

Вместе с тем хотелось бы услышать от автора доклада ответ на следующее соображение. Несмотря на всю очевидность того, что российские институты гражданского общества в большинстве своем формируются более на основе принципов общества политического, тем не менее и среди них есть те, которые вырастают из чувств социально-политической ответственности. Это, на наш взгляд, комитеты солдатских матерей, общественные организации помощи инвалидам, материнству и детству, противодействия насилию в семье и т. п. Как в отношении подобных организаций действует авторское понятие «аналоговые формы» гражданского общества? И, может, в таком контексте необходимо вести речь об «аналоговой форме» российской демократии, в которой государство слабо реагирует на инициативы именно добровольных объединений граждан, прилагающих все возможные и невозможные усилия для того, чтобы хоть как-то решить проблемы, до которых у государства в силу различных мотивов, в том числе и по причине якобы незначимости

или даже отсутствия этих вопросов в российском обществе, «не доходят руки». Возможно, такое представление российской демократии позволит ответить на вопрос, предлагаемый к обсуждению на настоящем форуме: насколько понятие «демократия» способно отразить специфику современных политических процессов в России? Настолько, насколько оно в состоянии будет эту специфику учесть и интерпретировать. Иными словами, это должно быть модифицированное понятие, способное описать все происходящее с данным типом политического правления в России метаморфозы. Ведь, говоря о демократии, мы каждый раз конкретизируем: полисная демократия античности, представительная демократия, американская демократия. И, значит, целесообразно говорить о российской демократии, в том числе и путем применения характеристик «аналоговости».

И последнее. Введение в научный оборот понятия «политический аналог» выглядит, на наш взгляд, удачным и оптимальным в силу того, что сам термин «аналог» привычен для слуха и понятен для сознания россиян. Мы живем в состоянии перманентного изобретения и применения аналогов: технологические аналоги, аналоги медикаментов, аналоги системы образования, аналоги Силиконовой долины и т. д. И каждый раз, слыша об очередном «аналог», задумываемся, будет ли он эффективен, приживется ли он на российской почве и рационально ли вообще то или иное калькирование в отечественных экономических и культурных условиях. И с таких позиций дефиниция «политический аналог» будет, безусловно, способствовать дальнейшей плодотворной рефлексии отечественных политологов, пытающихся оценить баланс российских достижений и утрат в ходе настоящего социально-политического развития России.

Труханов В. А.: Общественно-политические системы современных демократических стран характеризуются прежде всего развитым гражданским обществом, способным ощутимо влиять на властную элиту. Вопрос о сущности гражданского общества, его функционировании остается во многом дискуссионным, особенно это касается бывших стран с командно-административной системой управления. Мне представляется, что, для того чтобы адекватно оценить реальные перспективы формирования в России гражданского общества, необходимо, во-первых, не только непредвзято определить характер институциональной среды гражданского общества, но и учитывать динамику массовых настроений, в том числе и касающихся отношения к демократическим ценностям и институтам, тем или иным способам и формам гражданской самоорганизации; во-вторых, прекратить списывать все издержки нынешнего положения на наследие коммунистического прошлого или сложности осуществляемых политических и экономических преобразований.

Как отметил в своем выступлении уважаемый Григорий Михайлович, а также вспоминая научную литературу по данной теме, можно заключить, что понятие «гражданское общество» характеризуется многозначностью и недостаточной проработанностью в современных политологических и социологических теориях. Актуальность рассматриваемого понятия и введение его в лексикон многих политических деятелей были обусловлены тем, что в нем в концентрированном виде были сосредоточены многие идеалы, такие как свобода частных лиц, экономический и политический суверенитет граждан, отсутствие давления и насилия над ними со стороны государства. Даже самих определений «гражданского общества» существует большое количество. В данном случае мне ближе определение, которое дала в своей диссертации Андропова Ирина Владимировна: «...гражданское общество – это система негосударственных общественных институтов и отношений, выражающая разнообразные интересы, потребности и ценности членов общества и дающая человеку возможность реализовать его гражданские права».

Рассматривая гражданское общество в России, можно сказать, что аналогов ему в современном мире, пожалуй, нет. То есть, говоря словами доцента Барашкова, аналогии с западными нормами либерально-демократической организации просматриваются вполне очевидные, но, с другой стороны, эти аналоговые модели демократии по результатам функционирования в целом оставляют желать лучшего. В чем же заключаются сложности в становлении гражданского общества? Ведь практически все необходимые институты как в политической, социальной, экономической, так и в духовной сфере в российском социуме имеются. Значит, должны быть в наличии другие составляющие, а не только структурные элементы, что, на мой взгляд, отметил в своем выступлении докладчик. Это отсутствие «граждан» в классическом либеральном смысле этого слова. Вроде бы существует полноценное институциональное функционирование гражданского общества, но для чего нужны эти институты – граждане не представляют, а общественные и политические лидеры не могут четко объяснить. Не говоря уже о том, что эти институты в современной России зачастую выполняют совсем не те функции, ради выполнения которых они в прошлом создавались в европейских и североамериканских социально-политических системах.

Тарасов И. Н.: В докладе Григория Михайловича поставлены важные вопросы поиска концептов политической науки, адекватно фиксирующих социальные реалии современности. В частности автор обратился к проблеме гражданского общества, его теоретического моделирования и эмпирического анализа.

Было поставлено три вопроса: о способности понятия «демократия» отразить специфику современных политических процессов; о необ-

ходимости учета специфики политических процессов в разных странах для прогнозирования; о применимости понятия «аналоговые формы» при изучении политических процессов.

Касаясь первого вопроса, Г. М. Барашков вполне убедительно доказывает, что понятие «демократия» способно отразить специфику современных политических процессов, но лишь при условии нашего сугубо политического понимания демократии как институционального механизма, а не идеологической доктрины. Критикуя транзитологическую концепцию, автор упустил из вида, что сам транзит не противопоставлялся модернизации и не указывает на предопределенный финальный пункт процесса. Демократия, тем более либеральная, редко становится результатом транзита. Более того, транзит обещает не столько смену политического режима, а лишь изменение формы, характера, стиля правления. В этом сугубо институциональном смысле транзит множествен.

Без сомнения, учет специфики политических процессов в разных странах для прогнозирования их развития необходим, что подробно продемонстрировал докладчик многочисленными примерами. В сравнительной политологии выявление специфики всегда сопровождается определением общности черт процессов и явлений. Установление специфики требует введения большого числа переменных при сравнительном анализе, что существенно затрудняет само исследование. Поэтому следует идти, скорее, не от специфики, а от общности при изучении проблем гражданского общества.

Наконец, наиболее интересным представляется вопрос о применимости понятия «аналоговые формы». Г. М. Барашков, как я понимаю, призывает нас изучать конкретно-исторические формы гражданского общества, которые выступают аналогами не вполне определенного теоретического концепта. Докладчик противопоставляет «органичные» и «аналоговые» гражданские общества. Под «органичным» понимается весьма условное западное гражданское общество; гражданское общество вне Запада – его аналог. Греческая этимология аналога («соответствующий», «упомянутый выше») подсказывает, что мы должны обратиться в первую очередь к поиску сходств «органичного» и «аналогового», что логически лишает аналог эвристического смысла. Если мы перейдем к поиску различий «органичного» и «аналогового», то аналог по своему смыслу приближается к терминологии ряда: «эрзац», «подобие» «псевдо-» и т. п. С методологической точки зрения введение понятия «аналоговые формы» ничуть не противоречит методу аналогий в компаративистике, который применяется в отношении малого числа случаев и не приемлет редуccionистской экстраполяции.

Таким образом, при изучении «аналогового» гражданского общества представляется вполне надежным обращение к теории политической де-

мократии для установления критериев общественной гражданственности с учетом многофакторной специфики политических процессов в отношении ограниченного числа рассматриваемых случаев.

Мишин К.: Несмотря на «триумфальное шествие» либеральной демократии, мы можем прийти к выводу, что невозможно экстраполировать демократические принципы на все общества без исключения. Четкое разделение гражданского общества и государства даст нам понять, почему это невозможно. Зачастую в родоплеменных государственных структурах на Ближнем Востоке и в Африке гражданское общество прочно и надежно сформировано, но о демократии не может идти и речи. Разве что без разрушения базовых принципов существования данных государств.

Уместным в данном контексте является вопрос, стоит ли судить о развитии того или иного общества по наличию в нем демократических институтов и сравнивать их с эталонным западным образцом демократии. Отрицательный ответ очевиден. Адекватные критерии оценки функционирования демократических институтов в частности и сравнения демократических форм в целом не созданы, а те, что созданы, отличаются низкой валидностью. Разработка адекватной системы оценок на основе индексного анализа поможет более точно охарактеризовать демократические институты и более наглядно продемонстрировать их надежность и функционирование, проанализировать их работоспособность. Предпосылки для создания такой системы уже существуют. Именно политические процессы во многом определяют развитие государств, реформы, законы и модернизации предпринимаются с целью совершенствования и развития государства.

Учитывая специфику политических процессов в разных странах, можно смоделировать сценарии развития их будущего в глобальном мироустройстве. К тому же для получения более полной картины необходимо также учитывать специфику соседних государств, так как зачастую они способны оказывать опосредованное влияние на исследуемое государство. Данная точка зрения находит свое подтверждение в явлении цикличности политических процессов (демократических волн и откатов), таким образом, мы с высокой долей вероятности можем определить, на какой стадии политического развития находится то или иное государство, и, возможно, спрогнозировать их будущее.

Само определение «аналоговые формы» на данный момент пока не вошло в оборот. На мой взгляд, в этом и заключается препятствие для выявления специфических пространственных и временных характеристик развития российского политического процесса. Потенциал у этого термина безусловно есть. Само понятие «аналог» в данном контексте обозначает определенное качественное состояние и динамические характеристики как отдельных институтов, так и политических процессов, в которых данные институты задейство-

ваны. Само понятие достаточно содержательно. О целесообразности применения данного понятия можно судить по тому, что возникла потребность в новом термине, который позволит найти новое понимание демократических процессов в российской политической действительности.

Кичигин Г. А.: Исследование социально-политических явлений отличается своей сложностью ввиду особой природы некоторых объектов исследования, например, демократии, которые достаточно трудно поддаются непосредственному изучению. Трудность непосредственного исследования заключается в том, что сущность явления проявляется в некоторой форме этого явления. В свою очередь, форма в большинстве случаев не отражает сущность в чистом виде, охватывая элементы других явлений, элементы сущности других явлений. Так, демократия, утвердившаяся в США, не может считаться воплощением идеала, или чистой сущности демократии, так как демократия США, помимо элементов сущности демократии, содержит сущности иных элементов, например национальной культуры. Таким образом, мы наблюдаем сущность демократии под воздействием национальных условий (политическая культура США как одно из них), что выражается в демократии США как форме. Существуют в настоящее время и существовали в истории и иные формы демократии. Так, существует понятие «нетипичная демократия», охватывавшее некоторые государства, проявляющие ценности демократии (ее сущность) в несколько иной форме. К числу таких государств причисляли Израиль, Италию, Швецию и Японию (в период существования в данных государствах партийной системы с одной устойчиво доминирующей партией). В этих государствах в указанный промежуток времени такая ценность демократии, как конкуренция в общем и конкуренция политических партий в частности, проявлялась нестандартным образом. Межпартийная конкуренция фактически имела место, однако ее результат проявился в длительном устойчивом доминировании одной партии. Тем не менее все указанные выше государства имели на рассматриваемый период статус демократических государств. В противоположность – Республика Мексика, чья история в XX в. также отличается длительным существованием партийной системы с одной устойчиво доминирующей партией, к демократическим государствам за период существования такой партийной системы не причислялась, относясь к государствам авторитарным. Подобные рассуждения можно отнести и к Южно-Африканской Республике в годы существования в ней апартеида. Два последних примера приведены для того, чтобы показать, что при различающихся условиях одна и та же черта, в данном случае особый вид партийной системы, может существовать как в авторитарном, так и в демократическом государстве.

Демократия ряда древнегреческих полисов также отличается от современного ее проявления,

в частности от американской формы, и тем не менее ее причисляют к разряду демократии, а не олигархии, или тимократии.

Таким образом, рассматривая вопрос демократии как сущности и форм ее проявления, считаем уместным добавление эпитета к понятию «демократия», который бы отражал форму явления, в то время как само понятие «демократия» отображало бы сущность явления. Так, указывая на форму демократии в США, следует сделать на этом акцент, подчеркнув тем самым, что, хотя политический режим США и относится к демократическим по сути, по форме он является американским или иным (западным, эталонным, классическим – в зависимости от цели исследования или общепринятого мнения). В таком свете вопрос о демократии и ее альтернативах несколько изменяет смысловое значение. Альтернативой демократии как политическому режиму в данном случае будет противостоять недемократичный режим – авторитарный, тоталитарный либо иной, – а не японская демократия, к примеру, которая несколько отлична от «эталонной» демократии США. К вопросу о национальных особенностях при исследовании демократии: указанное философами и мыслителями влияние природных условий на особенность политического процесса того или иного государства, в том числе и характер политического режима, проявляется в форме одной и той же сущности, в частности демократии. На форму того или иного социально-политического явления оказывают влияние и духовная культура общества. В данном случае под духовной культурой будет пониматься привычное отражение действительности – обычаи, стереотипы, традиции – без учета инновационной практики. Таким образом, если природно-географические условия могут частично компенсироваться научно-техническими достижениями (по крайней мере, пока частично), унифицируя условия социально-политической практики, то духовная культура замедляет восприятие меняющихся условий по-новому. Не имея возможности полной унификации условий социально-политической практики и вследствие наличия национально-культурных особенностей исследование социально-политической практики без учета таких национально-культурных особенностей затруднительно.

Митрохин В. А.: Без сомнения, Григорий Михайлович избрал для своего доклада актуальную и перспективную тему. Проблема разнообразия моделей гражданского общества в сложной организованном глобализирующемся мире требует внимательного и глубокого осмысления. Автор анализирует национальные формы гражданских обществ, зачастую весьма самобытные, через призму национального исторического опыта и с учетом воздействия на них внешних факторов – в первую очередь либеральной западной модели политического устройства.

Исследуются специфические особенности национальной и политической самоорганизации

обществ разных регионов мира с позиций состоявшейся или будущей легитимации той или иной формы политической организации государства.

Докладчик вполне оправданно оперирует понятием «аналоговость» применительно к развивающимся формам демократии. При этом совершенно справедливо учитываются важные факторы воздействия на общественную жизнь, такие как религия, этническая солидарность, традиционализм и специфика морально-нравственной ориентации различных типов общества.

Заслуживает внимания оценка автором сегодняшнего состояния российского социума с учетом его исторического развития. Подчеркивается, что именно государство выступало основным инициатором формирования общественных институтов и источником динамики развития. Это наложило неизгладимый отпечаток на всю систему хозяйственных и политических отношений в нашей стране. Совершенно очевидно, что не удастся в нынешних условиях адекватно и оперативно реагировать на новые вызовы динамично развивающегося мира. Поэтому проблема включения общества в созидание новых современных форм политической самоорганизации – это проблема будущего российской цивилизации. Однако, прежде чем приступить к очередной модернизации, необходимо грамотное осмысление прошлого и настоящего российского общества. В противном случае очередная «ломка» общественного организма без ясного понимания целей, задач и векторов развития вызовет разочарование и апатию.

Представляется, что доклад – вполне удачная попытка разобраться в характере происходящего сегодня, а возможно, и завтра общественного процесса. Остается «совсем немного» – найти инструменты и механизмы привлечения теоретических разработок ученых к политической практике в современной России. Здесь редкий случай, когда вынужден предстать пессимистом. Как показывает опыт последних лет, большая часть перспективных и значимых идей, выработанных в научной среде, не находит своего применения в деятельности современных политических элит.

Шестов Н. И.: Уважаемые коллеги! Думаю, что вы со мной согласитесь: сегодня предметом нашего обсуждения стала действительно интересная тема. Интересная и в плане совершенствования методологии политических исследований, особенно сравнительных, и в плане общего политико-философского понимания сути современных модернизационных процессов. Надеюсь, что Григорий Михайлович своим докладом не поставил точку в том направлении исследований, которое он предложил на наше обсуждение, и мы будем еще иметь возможность вернуться к обсуждению этих сюжетов на наших последующих семинарах. Надеюсь, что все присутствующие коллеги и впредь будут их активными участниками. Всем спасибо за творческое сотрудничество!

**Отчет об очередном заседании теоретического семинара Саратовского РО РАПН.
Доклад А. А. Казакова «Роль СМИ в устранении рассогласованности
“повесток дня” в России: к постановке проблемы». Саратов, 1 июня 2011 г.**

1 июня 2011 г. в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского прошло очередное заседание теоретического семинара Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН), посвященное обсуждению научного доклада ассистента кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского **А. А. Казакова «Роль СМИ в устранении рассогласованности “повесток дня” в России: к постановке проблемы».**

В семинаре приняли участие: *Шестов Николай Игоревич*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского, председатель Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН); *Барышков Владимир Петрович*, д-р филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института дополнительного профессионального образования СГУ; *Вилков Александр Алексеевич*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; *Егоров Дмитрий Анатольевич*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Казаков Александр Александрович*, канд. полит. наук, ассистент кафедры политических наук СГУ; *Кузнецов Игорь Иванович*, д-р полит. наук, доцент кафедры истории и теории политики МГУ им. М. В. Ломоносова; *Мартынова Юлия Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации СГУ; *Санжаревский Игорь Иванович*, д-р полит. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тамбовского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ; *Сергеев Сергей Геннадьевич*, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Скороходова Ольга Сергеевна*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Сулов Юрий Павлович*, д-р ист. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; *Чекмарев Эдуард Владимирович*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Овчарова Ольга Геннадьевна*, д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной академии права; *Богданов Артём Владимирович*, аспирант СГУ; *Некрасов Артём Викторович*, аспирант СГУ.

На обсуждение в рамках теоретического семинара были вынесены следующие вопросы:

1. Что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории? Какие

разновидности «повестки дня» целесообразно выделять?

2. В какой мере современное российское общество с имеющимся у него ресурсом знаний о политике, с ресурсом мифов, идеологий и коммуникаций способно формулировать «повестку дня» и предоставлять, таким образом, исходный материал для дальнейшей работы СМИ?

3. Какова роль СМИ в установлении и регулировании различных «повесток дня»? Что отличает (и отличает ли вообще) в этом плане Россию от других государств? Чем это может быть вызвано?

4. Каким образом можно исследовать роль СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти? Насколько уместным здесь может быть сравнительное изучение опыта России и США?

Ниже прилагается стенограмма обсуждения научного доклада.

Шестов Н. И.: На мой взгляд, вопрос о «повестке дня» политики – это, в сущности, еще и вопрос о системности политики, то есть о мере ее хаотичности и организованности, о степени рациональности поведения субъектов политики. Кроме того, вопрос о «повестке дня» важен также в методологическом отношении для изучения политических процессов, так как он связан с определением «точки отсчета» при анализе любого политического процесса. От этой аналитической процедуры зависит в том числе и то, что мы будем считать «конечной точкой». Таким образом, вопрос «повестки» важен и в плане определения итогов политического взаимодействия. Из всего этого вытекает возможность поговорить о политической субъектности в совершенно ином исследовательском ракурсе. У нас есть статусная, правовая, ресурсная, функциональная и прочие стороны политической субъектности. Вместе с тем есть также субъектность тех, кто «заказывает музыку», тех, кто «под нее пляшет», и тех, кто разрабатывает алгоритмы этих «плясок», – именно в виду разного рода экспертные и научные сообщества. Получается, что есть возможность посмотреть на политическую субъектность как на нечто определяемое творческими и интеллектуальными потенциалами политического процесса. На мой взгляд, с этих позиций можно было бы высказать интересные суждения о том, как сегодня идет процесс обеспечения политики идеологическими императивами при отсутствии организованной работы по их выработке, и ответить на вопрос, почему не наделенные какими-то эксклюзивными политическими ресурсами институты (СМИ, например) оказываются системообразующими элементами политики.

Вилков А. А.: Буду ориентироваться на вопросы, предложенные для обсуждения. В отношении первого тезиса. А. А. Казаков констатирует в своем докладе наиболее часто используемые в науке традиционные понятия личной, межличностной и групповой «повестки дня» и не менее традиционное деление на публичную «повестку дня» и «повестку» принятия политических решений – то есть институциональную. Главное же предложение автора доклада сводится к возможности более активного использования в политологии категории «медийная повестка дня», с помощью которой можно всесторонне исследовать самодостаточную политическую субъектность СМИ. Не подвергая сомнению возможности СМИ в формировании и ранжировании самых различных «повесток дня» (личных, групповых, партийных, региональных, субрегиональных, общенациональных и т. д.), хочу остановиться на дискуссионности самодостаточности политической субъектности СМИ, которая предложена А. А. Казаковым.

На мой взгляд, имеет место явная идеализация западной демократической системы и той свободы, которую имеют западные СМИ в реализации своих политических функций. Идеально-типическое понимание политической системы просматривается даже в названии самого доклада: «Роль СМИ в устранении рассогласованности “повесток дня” в России: к постановке проблемы». Оно предполагает, что в принципе возможна согласованная «повестка дня», именно к ней и должны стремиться все субъекты политики, включая и СМИ. Главная ошибка, как представляется, состоит в том, что А. А. Казаков исходит из так называемой рациональной теории демократии и, соответственно, общественно ориентированного функционирования всех элементов демократической политической системы. На самом деле это миф даже для самых стабильных «демократических» систем, и тем более для переходных систем.

А. А. Казаков выделяет в качестве основного для политологического анализа субъектное и содержательное начало публичной и властно-политической «повестки дня», но при этом не учитывает функциональной многослойности политической деятельности данных субъектов (в том числе и СМИ). А она, в свою очередь, определяется известной амбивалентностью природы политики и, соответственно, государственной власти. Суть этой амбивалентности заключается в противоречии между общественно-публичным и частно-корпоративным ее измерениями, то есть идеально заданными общественными функциями и цели государства и отдельных субъектов политики постоянно входят в противоречие с корпоративными и эгоистическими интересами элитных и бюрократических группировок, лишь формально декларирующих свои цели от имени народа и во благо всего народа. В рамках политического менеджмента данная амбивалентность признается многими специалистами, например Д. Андерсоном.

Публично российские политики, например, ратовали за интересы всех автовладельцев в принятии Закона об обязательном страховании. Реально от продвижения данного законопроекта выиграли прежде всего страховые кампании. Монетизация льгот публично обосновывалась как демократизация социальной функции государства – реально позволила урезать 15% государственных расходов в этой области.

Расхождение между публичными заявлениями и реальными целями субъектов политики – это важнейшее обстоятельство, не позволяющее исходить из идеально-типического понимания политической системы. Другое обстоятельство связано с расхождением между декларируемыми и реальными возможностями субъектов политики и политической системы в целом. Явный популизм в нашей стране, надеюсь, изжит окончательно, но завуалированный имеет место, как и в любой стране. Неслучайно некоторые экономисты предлагают рассматривать период выборов как один из основных факторов экономической цикличности (завышенные обещания политиков в области расходов приводят к повышению дефицита бюджета, к росту долгов и иных обязательств, к росту инфляции, а затем к осложнению экономической ситуации).

По второму тезису. Как народ в рамках демократии не может управлять сам собой, так и общество не способно формулировать «повестку дня». В этом принимают участие различные институты гражданского общества, каждый из которых отражает и защищает либо интересы социальной группы, либо определенную сферу деятельности граждан. Однако главную роль в артикуляции и агрегировании общественных проблем, требующих политических решений, играют субъекты политики. Для них совокупность общественных проблем представляет главный ресурс для формулирования и публичной демонстрации своих предвыборных программ. Однако при этом важно учитывать обозначенную многослойность и противоречивость публичной и реальной функциональности субъектов политики, в том числе и СМИ. Исходить целесообразно именно из функционального понимания.

Для СМИ главная задача – привлечь к себе читателей/зрителей. Конкретные журналисты стремятся повысить свой рейтинг и заработную плату («ради красного словца не пожалеют и отца»). Для политиков главными являются имиджевые задачи и борьба за голоса избирателей. Общественные проблемы – это важнейший базовый ресурс политической борьбы: кто лучше сформулирует, предложит, «упакует» в программу, сделает более привлекательной и т. д. Для некоторых политиков процедура публичного оформления общественных проблем представляет собой главный имиджевый ресурс.

Поэтому на первый план выдвигается проблема выигрешности информационных поводов

вокруг различных общественных проблем, а также проблема их ранжирования. Конкуренция вокруг процессов политизации данных социальных проблем и представляет, на мой взгляд, главную заслугу демократии как системы. Но при этом никуда не уходит противоречие между декларируемым и реальным интересом субъектов политики; между декларируемым и целесообразным; между декларируемым, целесообразным и возможным. Результатом чаще всего является компромисс в принятии и реализации политического решения на основе нахождения баланса между декларируемым, реальным, целесообразным и возможным. Там, где этот баланс учитывает общественные интересы, – более или менее стабильная политическая система. В России такого баланса пока не сложилось.

Обращаясь к третьему тезису – мне представляется, что А. А. Казаков преувеличивает политическую субъектность СМИ как автономную и целерациональную. На самом деле политическая роль СМИ в первую очередь определяется коммерческими интересами. Общественные проблемы выступают для СМИ как источник информационных поводов для зарабатывания денег (в этом совпадение общественных интересов и интересов СМИ). Но если главные субъекты политики – бизнес-элиты – в своих непубличных стратегиях будут руководствоваться другими интересами, то они могут изменить и медийную «повестку дня».

Также и властные структуры, например, для легитимации своей внешней политики могут искусственно ранжировать информационные поводы, то есть манипулировать публичной «повесткой дня». Это характерно не только для России, но и для демократических стран. Свидетельством тому, например, могут служить двойные стандарты западных журналистов, используемых ими, с одной стороны, в отношении войны в Ливии, представляемой как война против диктатора за торжество демократии, а с другой – в замалчивании жестокого подавления с помощью наемников восстания шиитского большинства против суннитского правящего меньшинства в Бахрейне.

Поэтому вряд ли есть смысл говорить о возможностях СМИ самостоятельно «генерировать» собственные «повестки», делая достоянием общества и власти факты, до этого скрытые от всеобщего внимания». То же – о возможностях «определенным образом форматировать уже существующие «повестки»» – изменять ракурс их рассмотрения, сужать или расширять проблемное поле и т. п. Тесно с этим связана и возможность СМИ ранжировать имеющиеся «повестки».

Например, А. А. Казаков утверждает, что «любой, даже самый мелкий и сугубо индивидуальный повод может приобрести общегосударственную, а порой и международную значимость, если на него обратят внимание массмедиа».

Вопрос как раз и заключается в том, что на некоторые проблемы обращают внимание, а на

некоторые – нет. Почему? Кто это решает? От кого это зависит? Ответы на эти вопросы А. А. Казаков вряд ли сможет найти, так как они лежат не в области публичной политики. В авторитарных системах здесь все понятно, но и для демократических систем свобода журналистов носит относительный характер. Авторский критический ракурс в адрес России вполне справедлив, но он в такой же степени в основе своей справедлив и для других стран, в том числе и самых демократических.

Я уже пять лет регулярно читаю материалы сайта ИНОСМИ и могу засвидетельствовать стабильное наличие необъективности и предвзятости в освещении многих российских и мировых проблем. Ничего не могу сказать о наличии цензуры и спускаемых сверху установок в их освещении, но о наличии «внутренней» цензуры журналистов могу утверждать однозначно. В их основе лежат мировоззренческие и идеологические шоры, которые, в свою очередь, закладывает мощная и эффективная система социализации. Например, внедрение стереотипов о превосходстве американской системы, о необходимости вести борьбу за внедрение американских принципов и институтов во всем мире срабатывает и на журналистском уровне. Поэтому реально идет борьба за нефть и другие ресурсы, а демократические СМИ и демократические общественные организации выступают как инструменты прикрытия и декорирования войн против диктаторов и стран-изгоев.

В отношении четвертого тезиса я считаю, что изучать эти проблемы нужно, но изначально понимая сложность данной научной задачи. Очень важно не поддаваться на манипуляционные уловки западных СМИ, ведущих активную и изощренную информационную войну против современной России на основе использования все новых и новых технологий.

Сулов Ю. П.: Рассматриваемая сегодня тема, безусловно, очень интересна. Однако я настаиваю на том, что для ее изучения необходимо взять либо внутри-, либо внешнеполитический аспект, а также выбрать конкретные хронологические рамки исследования. Иначе тема будет просто безбрежной.

Кузнецов И. И.: Данная тема мне достаточно хорошо знакома – в свое время я ею также занимался. Кроме того, мне знакома также и большая часть упреков, которые прозвучали из уст А. А. Вилкова. Хочу поддержать Александра Александровича в том, что данная тема – одна из самых актуальных и «мейнстримовых» в современной политологии. Угол зрения, предложенный А. А. Вилковым, был характерен для публикаций конца девяностых – начала двухтысячных годов. Здесь необходимо сразу определиться с тем, насколько все связанные с управлением «повестками» сюжеты есть следствие рационального и эмоционально-аффективного. При этом нужно обязательно учитывать формат СМИ.

Необходимо отметить, что теория «повестки дня» – это теория среднего уровня, которая помогает объяснить актуальное и насущное «здесь и сейчас» в масштабах региона или страны. Далее: психологи утверждают, что на стадиях перехода от одного уровня «повестки дня» к другому существенно модифицируются технологии их формирования. В этом смысле я бы порекомендовал А. А. Казакову обратить внимание на работу Э. Ноэль-Нойман «Спираль умолчания». В своем нынешнем виде обсуждаемая нами сегодня работа – это заявка на серьезное исследование, в ходе которого его автору придется ответить на целый ряд вопросов. Один из них – вопрос конкуренции в деле установления «повестки дня», и в том числе ее нормативной основы. Здесь я предлагаю обратиться к исследованию политического процесса через призму анализа ресурсов (школа неореализма, Дж. Най – концепция «мягкой силы»). Заход с этой стороны способен привести к весьма интересным выводам. Например, к тому, что «повестка» российско-американских отношений имеет ограниченное количество участников, или субъектов ее установления.

Еще один важный вопрос – соотношение публичного и непубличного в установлении «повестки дня». В частности, применительно к России и Америке публичной «повесткой», по сути, является лишь так называемая перезагрузка. Все остальное – третье позиционное кольцо, секторальная ПРО и т. д. – суть непубличная «повестка».

В целом же сформулирована очень серьезная исследовательская проблема. Уверен, что Александру Александровичу удастся ее решить.

Мартынова Ю. А.: Несмотря на то что термин «повестка дня» не является новым и используется довольно давно, очевидно, что тот круг проблем, который он покрывает, изучен еще недостаточно.

Как отметил в своей статье Александр Александрович, феномен «повестки дня» в последнее время заметно актуализировался и стал привлекать к себе все большее внимание исследователей. Из этого можно заключить, что понятие «повестки дня» характеризуется многозначностью и недостаточной проработанностью в современных политологических и социологических теориях. Материал, представленный автором, это наглядно демонстрирует.

Ключевой ролью в такой актуализации, по мнению автора, который опирается как на классиков коммуникативистики, так и на более современные исследования, следует считать воздействие СМИ на общественное сознание. Следовательно, проблему «повестки дня» автор связывает с возможностями СМИ ее формировать. Под «формированием» повестки дня понимается акцентирование средствами массовой информации тех проблем либо аспектов проблем, которые

были бы наиболее актуальны для общественного сознания в определенный момент времени.

Как мне кажется, если еще недавно можно было говорить о главенствующей роли СМИ в определении общественной «повестки дня», то с развитием информационных технологий, с появлением сети Интернет доступ к информации стал настолько широким, а самой информации стало настолько много, что чрезвычайно трудно четко выделить «повестку дня» даже в короткий отрезок времени. Сейчас люди не воспринимают СМИ как нечто, чему следует безоговорочно доверять и в соответствии с чем следует строить свои убеждения. Скорее, здесь присутствует свободный выбор: среди множества тем, обсуждаемых СМИ, какие-то захватывают внимание, а какие-то оставляют равнодушными. Несмотря на существование классификаций, разработанных разными исследователями и на которые ссылается А. А. Казаков, следует признать, что имеющиеся таксономии порой не позволяют адекватно оценить реальные «повестки дня» как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Данная проблема – многоуровневость политического пространства, фрагментарность и порой противоречивость «повесток дня» – вполне осознается автором, и задача, требующая решения, – это возможность выявить закономерности, порождающие именно такие «повестки дня» в тот или иной момент. Естественным шагом было сузить область исследования, и, видимо, поэтому, автор остановил свой выбор на сравнении «повесток дня» России и Америки. Как представляется, такое решение является вполне приемлемым, несмотря на то что эти два социума очень сильно разнятся по многим параметрам, как историческим, так и социально-политическим.

Как справедливо отметил в своей реплике профессор В. А. Труханов, рассматривая гражданское общество в России, можно сказать, что аналогов ему в современном мире, пожалуй, нет. То есть аналогии с западными нормами либерально-демократической организации просматриваются, но, с другой стороны, эти аналоговые модели демократии по результатам функционирования в целом сильно отличаются. Тем не менее если четко выработать критерии для сравнения, то, может быть, именно социальные различия помогут выявить механизмы формирования «повесток дня» с помощью СМИ. Другими словами, необходимо локализовать проблему и выработать некий список «повесток дня» – скажем, «повестки дня» внешней политики, внутренней политики и т. п., которые и подвергнуть сопоставительному анализу.

Кроме того, было бы интересно проанализировать роль самого общества в формировании «повесток дня». Очевидно, что СМИ выполняют направляющую, идеологизирующую функцию при создании общественного мнения, однако эта функция может проявляться как с позитивной,

так и с негативной стороны, то есть порой возникающая «повестка дня» становится прямой противоположностью тому, к чему призывают либо оценивают СМИ. С этой точки зрения любопытно было бы проанализировать мониторинг общественного мнения, проводимый в рамках социологических исследований.

Более частным аспектом проблемы является изучение взаимосвязи «общественной» и «институциональной» «повесток дня»: что делается властными структурами для того, чтобы институциональная повестка дня переросла в общественную, и какие для этого используются средства?

Если существуют закономерности, с помощью которых СМИ выполняют структурирующую функцию в формировании «повесток дня», то нельзя ли с их помощью улучшить коммуникационное взаимодействие пусть даже не между разными странами, а хотя бы внутри одного общества? Другими словами, можно ли управлять потенциалом СМИ, направлять его?

Вполне возможно, что для автора будут полезны исследования, проводимые представителями смежных наук, в частности филологами, посвященные проблемам коммуникации. Так, например, можно обратиться к работе нашего коллеги по университету В. В. Дементьева (*Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000. 248 с.*).

Овчарова О. Г.: Обсуждаемая проблема, безусловно, сложная, интересная и актуальная. И нельзя не согласиться с Александром Александровичем в том, что и сложность, и интерес, и актуальность темы относятся как к ее теоретическому, так и к прикладному аспектам. Потому что и в том и в другом случае наблюдается очевидная неопределенность, неразрешенность вопроса, вызванная, как верно отмечает автор, разницей предпочтений и задач акторов политического процесса, которая и выражается в различных интерпретациях термина «повестка дня» и несогласованности действий при ее формировании на практике.

В таком ракурсе вопрос о том, что же считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории, вполне закономерен. И здесь, наверное, следует отталкиваться от ключевого понятия политологии – «политика». Если понимать политику как управление, упорядочение общественной жизни, то политической «повесткой дня» является артикуляция наиболее насущных проблем, от решения которых будет зависеть стабильность социальной и политической систем того или иного государства. Если рассматривать политику, к примеру, в интерпретации М. Вебера – как стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, – то «повестка дня» определяется обозначенными в определении целями. В некоторых случаях она может быть чистой риторикой или просто конь-

юнктурной. Иными словами, политическая (или институциональная, как в докладе) «повестка дня» будет зависеть от смысловой нагруженности, которую получает политика в зависимости от ее практических целей и их реализации.

Разновидностей «повесток дня», опять-таки нельзя не согласиться с Александром Александровичем, тоже может быть много. И это естественно в силу динамики, мобильности развития социально-политических отношений, наличия разных уровней политического управления. Если государство, его экономика, политика стабильны, социально ориентированы, то рассогласования действий при решении вопросов, стоящих на «повестке дня», удастся избежать. Они решаются на основе устоявшейся системы политических действий. Иное дело в современной России, где игнорирование ключевой «повестки» – решение проблем социально-экономической незащищенности граждан – и перманентная презентация иных «политически-значимых» вопросов вызывают представление о хаотичности деятельности власти либо же о ее бездействии и решении исключительно собственных проблем.

В силу сказанного выше с трудом можно говорить о том, что российское общество как таковое формулирует «повестку дня». В этом вопросе, возможно, следует обратиться к социологическим исследованиям. Выяснить, какие социальные группы политически более ориентированы и чьи действия в состоянии представлять исходный материал для дальнейшей работы СМИ (ведь значительное число россиян не интересуется политикой). При этом опять-таки надо учитывать формат непосредственно самих СМИ, их открытость либо «придворность» и подачу информации с одной точки зрения. Понятно, что в настоящее время анекдот советской эпохи о Наполеоне и советских СМИ не актуален (когда Наполеона спросили, что он думает о газете «Правда», он ответил, что, будь у него такая газета, никто и никогда бы не узнал о Ватерлоо), тем не менее центральные газеты и телевизионные каналы предоставляют информацию, в зависимости от реакции на нее, весьма дозированно, что-то бурно дискутируется и массово тиражируется, что-то вообще упоминается крайне осторожно и редко (к примеру, ситуация с бывшими руководителями «ЮКОСа» или озвучивание низкого уровня жизни большого количества россиян). В соответствии с этим же расставляются акценты и подается интерпретация событий. Хотя это может быть оправдано и такими целями, как попытка политической интеграции общества, его стабилизации. Подобная ситуация наблюдается и в других странах. (Интересно в таком контексте, как можно характеризовать свадьбу принца Уильяма (а это событие не просто было «повесткой дня», а медийной «повесткой» целого временного отрезка) – как политическую «повестку дня» или нет?)

Говоря о роли СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти, можно обратиться к словам Е. Б. Шестопал, которая пишет о том, что, наверное, нет сегодня большей власти, чем власть виртуальная. Самое удивительное даже не в том, что населением сегодня управляют с помощью телевизионного пульта; сама власть верит только в то, что прочтет в свежей газете или увидит в выпуске теленовостей.

Что касается сравнения опыта США и России при изучении роли СМИ в формировании политической «повестки дня», это уместно, но, естественно, при соблюдении законов компаративистики и выявлении особенностей восприятия и политического поведения граждан этих стран, их традиций в отношении доверия к СМИ. Здесь также может быть ключевым вопрос о правовой ответственности СМИ и исполнении этой ответственности за подачу той или иной информации.

И последнее. Хотелось бы посоветовать Александру Александровичу при дальнейшей разработке этой темы обратить внимание на такие теоретические конструкции, как «индивидуализация политики» и «глобальные СМИ». Первая интерпретирует феномен влияния средств коммуникаций на политическое поведение человека на фоне современной тенденции к ослаблению зависимости поведения граждан от социально-групповых структур и политических партий (Р. Далтон). Вторая характеризует деятельность нового транснационального актора – СМИ, ориентированных на всемирную, главным образом англоязычную аудиторию, которые формируют современную «повестку дня» (М. М. Лебедева). Автор так или иначе затрагивает эти вопросы в работе, но, возможно, более глубокий анализ данных феноменов позволит решить уже стоящие на «повестке дня» его научных изысканий вопросы и найти новые.

Чекмарев Э. В.: Данная тема мне кажется действительно интересной. Я считаю, что более правильным и актуальным было бы сделать объектом и предметом исследования не сами СМИ, а формируемые ими «повестки дня». Формирование внятной формулировки «повестки дня» является крайне актуальным как для власти, так и для общества. На сегодняшний день имеют место эклектика и мешанина из большого количества «повесток». Думаю, что выходом из сложившейся ситуации может быть помещение в фундамент общей «повестки» четырех базовых принципов: демократия, ценности, свобода и справедливость. Отталкиваясь от этих оснований, целесообразно анализировать состояние современной российской «повестки». Таким образом, повторюсь, было бы более целесообразно попытаться сформулировать конкретные «повестки дня» российской власти и общества.

Егоренков Д. А.: Если говорить о роли СМИ в демократическом обществе, то нынешняя фор-

мулировка обсуждаемого доклада представляется мне не совсем правомерной, так как там роль СМИ должна заключаться не в устранении, а в обеспечении рассогласованности. В этом плане куда более уместным мне кажется говорить о роли СМИ в устранении рассогласованности общественной «повестки дня». Таким образом, я согласен с Эдуардом Владимировичем в том, что объектом исследования должны быть не СМИ, а «повестка дня» или – во множественном числе – общественные «повестки дня». Предметом же в таком случае логично считать то, что сегодня значит в качестве темы доклада. В таком ракурсе данная научная проблема приобрела бы дополнительный интерес.

Скороходова О. С.: Полностью согласна с тем, что ничего плохого в рассогласованности «повесток дня» нет. Кто сказал, что ее не должно быть? С этой точки зрения мне представляется, что автор не совсем методологически четко определил для себя то, что он вкладывает в понятие «повестка дня». Насколько я понимаю, традиционно данное понятие вписывается в рамки политического управления, то есть формирование «повестки дня» – это процесс управляемый. С этих позиций вызывает определенные вопросы необходимость рассмотрения личностной и межличностной «повесток». Меня несколько смутил также выбор стран, опыт которых предполагается исследовать: можно ли сравнивать страны с различными типами политических режимов? Дело в том, что в России «повестка дня», на мой взгляд, имеет во многом фасадный характер. В Америке же, что-то мне подсказывает, в формирование «повестки дня» вкладывается несколько иной функционал. Американцы имеют довольно четкую внешнеполитическую стратегию, которая была сформирована лет сто назад, а у России с момента распада Советского Союза такой стратегии нет. Поэтому вызывает сомнение попытка сравнить вещи, между собой не совсем сравнимые. В целом же надеюсь, что Александр Александрович ответит на все мои вопросы уже в тексте своего диссертационного исследования.

Сергеев С. Г.: По поводу названия. Возможно, имеет смысл переформулировать его таким образом: «Роль СМИ в установлении рассогласованности “повесток дня”». Кто знает, может они, действительно не устраняют, а устанавливают ее. Большие сомнения вызывает также и тезис о том, что рассогласованность «повесток дня» – это плохо. Может быть, лучше взять сферу российско-американских отношений и проанализировать роль СМИ в формировании их «повестки дня»? Если же брать одновременно и внутри-, и внешнеполитические аспекты, то это будет просто неподъемная задача. Тем более что «повестка дня» – вещь очень гибкая и подвижная. Вопросы вызывает также и оправданность рассмотрения СМИ как единого политического субъекта: между собой они вну-

тренне неоднородны. В целом мне кажется, что тему лучше сформулировать более обобщенно, например: «СМИ в управлении “повестками дня”» или «Роль российских и американских СМИ в управлении “повестками дня” российско-американских отношений». Кроме того, представляется уместным в первую очередь оперировать понятием именно политической, или публичной «повестки дня».

Санжаревский И. И.: Говоря об актуальности «повестки дня» семинара, отмечу, что газета «Взгляд» словосочетание «повестка дня» выделила в качестве «любимого словосочетания всего российского экспертного сообщества»¹, в котором существенную роль играют СМИ, с одной стороны, как средства коммуникации, с другой, как коллективные (редакции) и индивидуальные акторы (журналисты). Вполне естественно, коллективный актор акцентирует внимание на свойствах, отражающих коммуникативную составляющую явления: публичное «извещение с вызовом, приглашением» к обсуждению, которое можно зафиксировать с помощью средств коммуникации и в дальнейшем тиражировать в СМИ², индивидуальный – на содержательной стороне, на перечне вопросов, подлежащих обсуждению. Отсюда извечная проблема формирования повестки дня в СМИ, определяемая противоречиями между ролью «независимого посредника» (технологическая роль коммуникатора) и социально-политическим позиционированием.

Общественно-политическая коммуникация, будучи объективной, всегда субъектна. «Повестка дня», складываясь социально-экономически, наряду со СМИ формируется субъектами политики, экономики, духовной и идеологической сфер, сфер науки, образования, обслуживания и т. д. Поэтому другим системообразующим атрибутом «повестки дня», на мой взгляд, является наличие или отсутствие проблемы, определяемое самим субъектом коммуникации. Данный подход хорошо иллюстрируется с позиции теорий конфликтного управления.

Общественно-политическая, социально-экономическая потребность всегда связана с конкретным событием, которое становится «темой дня». Анализ механизмов процесса коммуникационного перехода «темы дня» в «повестку дня», когда тема может сформулировать самостоятельную «повестку» или стать составной частью уже существующей, является важнейшей научно-практической предпосылкой политологического понимания этой категории.

Другой важнейший этап политологического анализа процессов трансформации коммуникации в политическую сферу тесно связан с пропорциями количественно-качественного перехода от точки зрения (темы дня) к мнению («повестке дня») и от них – к волеизъявлению и правовому оформлению. Политические механизмы перехода «мнения» в «волю», последующая (или нет)

институализация раскрывают не только действительность, но и направленность существующих демократий.

Таким образом, для ответа на вопрос, что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории, представляется методологически продуктивным использование методологии объективизма и методологии институционального и субъектного подходов в политической науке.

Барышков В. П.: Прежде всего хотел бы отметить, что сегодняшнее обсуждение прошло в удивительно продуктивной форме. На мой взгляд, необходимо углубить семантику самой «повестки» как таковой. Ведь что такое повестка? Извещение, вызов, извещение, приглашение. День же – это сегодня. Стало быть, «повестка дня» – это извещение «о сейчас». В этом семантическом плане СМИ, безусловно, формируют эту самую «повестку» – они извещают о сейчас происходящем. Лично мне представляется логичным исследование роли СМИ именно в данном контексте. «Повестка дня» предполагает, что это процедурный, кабинетный, технический аспект политики. Между прочим, именно составление «повестки дня» стало для И. В. Сталина трамплином в его политической карьере.

Бормотов В. Е.: Мне не совсем понятен смысл, который автор вкладывает в понятие рассогласованности. Положительное это явление или отрицательное? На мой взгляд, скорее положительное. Что было бы, если бы ее не было? Получается, что во всех без исключения СМИ писалось бы одно и то же. В этой связи, возможно, имеет смысл обозначить некоторые точки, в которых рассогласованные «повестки» должны пересекаться. Кроме того, я считаю, что существует реальная «повестка дня» – то, что действительно интересует людей, – и выявить ее весьма сложно. Помимо нее существует также и политическая «повестка», формирование которой является делом профессиональных ньюсмейкеров от политики. Однако зачастую происходит так, что СМИ выражают мнение кого угодно, только не общества.

Некрасов А. В.: Лично мне представляется, что СМИ участвуют в процессе формирования внутривнутриполитической «повестки дня» в минимальной степени. Скорее, они выступают трансляторами того, что уже существует, внося туда лишь определенные ситуативные изменения. Поэтому я предлагаю несколько изменить ракурс рассмотрения данной проблемы и заменить формулировку темы на «Роль СМИ в формировании внешнеполитической “повестки дня”».

Богданов А. В.: Следует сказать, что данная тема очень актуальна и необычна в плане ракурса и постановки рассматриваемой проблемы. На мой взгляд, заявленная тема дает возможность, используя оригинальный (новый, иной) подход через «повестку дня», рассмотреть и проанализировать

взаимоотношения государства и СМИ, СМИ и общества, общества и государства через СМИ.

Отвечая на первый блок вопросов, хотелось бы отметить, что в докладе А. А. Казакова даются определения «повестки дня», сформулированные не только зарубежными авторами, но и отечественными исследователями. Соглашаясь с приведенными в выступлении определениями, необходимо, на мой взгляд, обратить внимание на понимание «повестки дня», на основные характеристики, ее компоненты, которые в своих работах выделяет известный российский политолог Глеб Олегович Павловский. Павловский пишет о том, что «повестка дня» – это в определенной степени «устойчивая система приоритетов», «система центральных тем» и, что немаловажно, «система ожиданий общества и его ориентация в текущем процессе». То есть это в любом случае процесс, характеризующийся обратной связью, без нее это уже не «повестка дня», а формально оглашенный план мероприятий государства, не отражающий действительных чаяний населения, а значит, исключающий возможность участия гражданского общества в делах государства.

Касаясь вопроса о разновидностях «повесток дня», на мой взгляд, целесообразно выделять внутреннюю и внешнюю «повестки дня». Если в основу деления положить принцип обратной связи, то можно выделить государственную и общественную «повестки дня».

Переходя ко второму и третьему блоку вопросов, я соглашусь с автором доклада в том, что отечественные СМИ контролируются государством, «повестка дня» им навязывается властной элитой, от которой СМИ зависят как экономически, так и политически. Но тогда возникает такой вопрос: если дать СМИ свободу, будут ли они в силу своей природы структурировать политические события в объективном ракурсе, не поддаваясь при этом воздействию эффектов «шоу» и «толпы»?

Ведь само общество «хватает» чужую, не свою «повестку дня». На самом деле обществу предлагается примерно 7 тем, плюс-минус две в зависимости от конъюнктурного политического процесса. При этом потребители, граждане как свободные люди самостоятельно формируют свое мнение и отношение, но именно к тем темам, фактам и событиям, которые вошли в «повестку дня». Таким образом, обществу уже заранее навязывается определенный вектор рассуждений по спланированным и тщательно подобранным темам, при этом не ущемляя права граждан в их «свободном выборе».

Поэтому нужно, чтобы контроль СМИ был не только и не столько государственным, но также и общественным, гражданским. Возможно, необходимо создать общественные структуры, так называемые независимые союзы (комитеты) общественно-политической «повестки дня», которые будут осуществлять мониторинг политических, и в том числе глянцевых, таблоидных, СМИ

путем анализа опроса общественного мнения не только в регионах, но и на местах. Естественно, в эти организации могут приходить граждане и оставлять свои заявления на рассмотрение. Таким образом можно осуществлять и морально-нравственное, гражданское воспитание молодежи. При этом данные организации будут аккумулировать, агрегировать интересы общества, оформлять их, в свою очередь, в виде «повестки дня» и передавать в соответствующие государственные структуры.

Отвечая на четвертый блок вопросов, мне представляется, что исследовать роль СМИ в формировании «повестки дня» можно и применительно к опыту других стран, и применительно к своему историческому прошлому. При этом следует также осуществлять сравнение способов формирования «повестки дня» в глянцевых, таблоидных изданиях с государственными, оппозиционными изданиями, печатных – с электронными. В ходе такого анализа можно будет выявить ключевые моменты, механизмы формирования, а главное, причину, почему глянцевые и таблоидные издания популярнее новостных политических журналов. И, скорее всего, обнаружится, что немало зависит от формы подачи, в том числе от визуализации главных тем «повестки дня».

Шестов Н. И.: Как человек, имевший некоторое отношение к формированию повестки сегодняшнего заседания, я ощущаю некоторую рассогласованность на уровне личного сознания. В науке есть уже достаточно устоявшиеся подходы. Суть одного из них огрубленно можно сформулировать так: СМИ – это «четвертая власть». Противостоит данному подходу представление о том, что СМИ – это ничто. А не лучше ли вообще при анализе ситуации исходить просто из факта наличия СМИ? Они есть. Не хорошие и не плохие, но деваться от них все равно некуда. Поэтому и изучать их нужно лишь потому, что они есть. Может, здесь пахнет каким-то научным ревизионизмом, но почему бы и нет? С позиций выделения объекта и предмета анализа, на мой взгляд, возможны два подхода: статический и динамический. И именно то, на какую позицию встанет Александр Александрович, и будет определять структуру его аналитической работы. Статика предполагает изучение вполне конкретной «повестки дня» с выделением точки отсчета ее формирования, основных этапов, конечного результата и последующим доказательством объективности полученных выводов. Более продуктивным мне представляется динамический подход, предполагающий рассмотрение «повестки» как постоянно развивающегося за счет создания новых уровней, информационных каналов и тому подобных процессов. Здесь можно будет сосредоточить внимание на проблемах устойчивости и неустойчивости «повестки дня», на механизмах повышения и понижения ее актуальности.

Вполне возможно, было бы очень интересно с ревизионистских позиций проанализировать

распространенные сегодня концепции информационного общества – создав, например, авторскую теорию среднего уровня. Охарактеризовать информационное общество не как внешний контекст происходящих сегодня политических процессов, а как некий сформированный усилиями общества, элит и СМИ один из механизмов внутренней саморегуляции общественных отношений.

Наконец, в отношении реплики Александра Алексеевича о возможности рассмотрения СМИ в качестве самодостаточного объекта исследования. Мне кажется, что сделать это можно. Информация, которую актуализируют СМИ, обладает определенной потребительской стоимостью. То,

что медиа не так активно реагируют на запросы общества, может быть связано с тем, что здесь у них есть достаточно серьезные конкуренты в лице других каналов коммуникационного взаимодействия.

Примечания

- ¹ *Кашин О.* Повестка дня / Взгляд. Деловая газета от 17.10.2006. URL: <http://vz.ru/columns/2006/10/17/53191.html> (дата обращения: 01.06.2011).
- ² См.: *Словарь бизнеса // Ведомости.* [сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/glossary/повестка> (дата обращения: 01.06.2011).